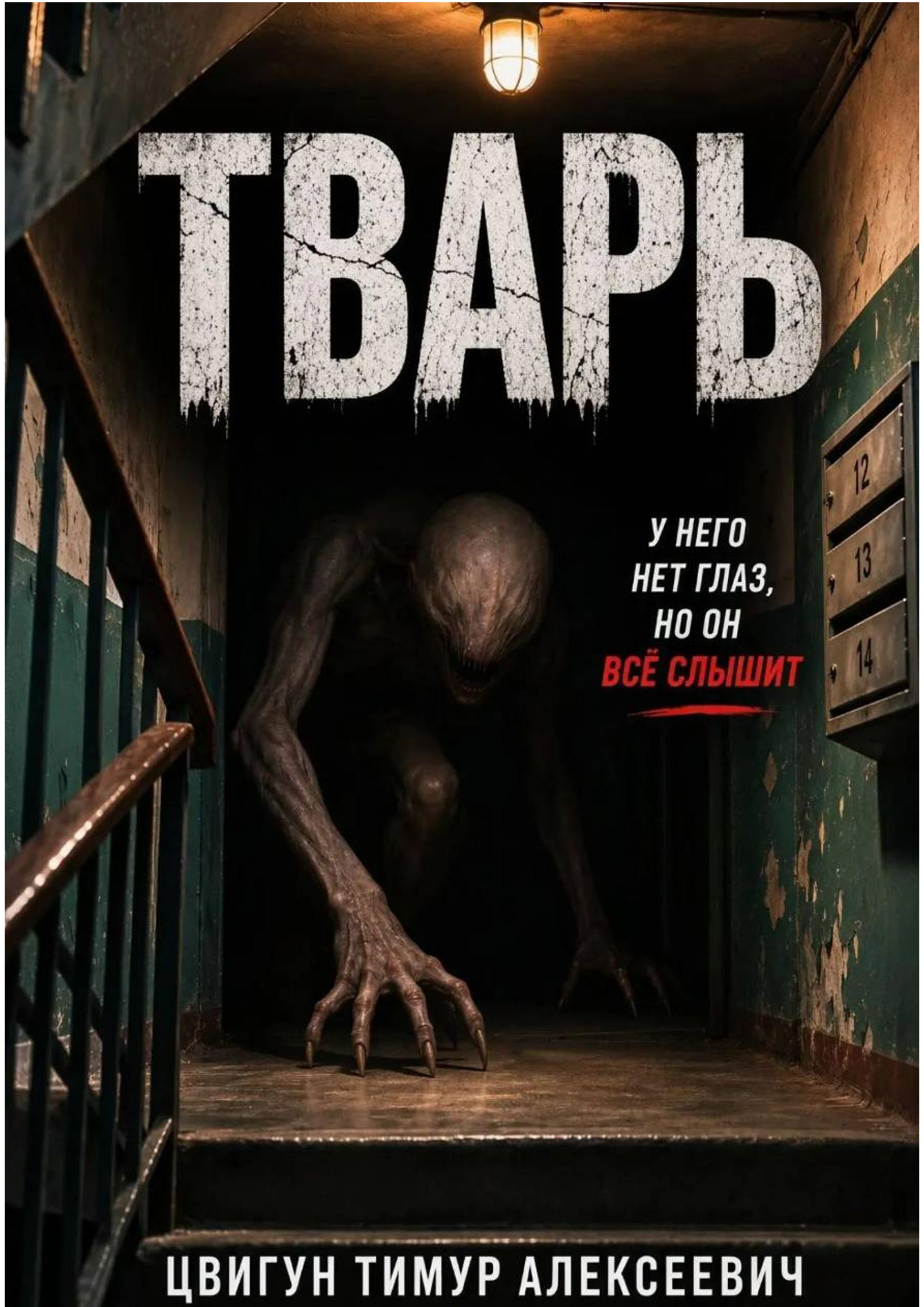
ТВАРЬ
У НЕГО НЕТ ГЛАЗ, НО ОН ВСЁ СЛЫШИТ
12
13
14
ЦВИГУН ТИМУР АЛЕКСЕЕВИЧ

Тимур Цвигун

Тварь!

«Автор»
2026

Цвигун Т. А.

Тварь! / Т. А. Цвигун — «Автор», 2026

«Тварь» — это клаустрофобный хоррор о том, как паранойя становится спасением, а тишина — оружием. О том, что мир иногда кончается не с грохотом, а с шёпота. И о том, что даже в абсолютной тишине можно услышать что-то очень важное — например, собственное сердце.

© Цвигун Т. А., 2026
© Автор, 2026

Тимур Цвигун
Тварь!

ТВАРЬ

Глава 1. «Тишина — это роскошь»

Андрей проснулся в 6:47 от того, что сверху упало что-то тяжёлое. Он лежал с закрытыми глазами и считал: раз… два… три… На «четыре» сверху загрохотало снова — будто кто-то перетаскивал шкаф. В квартире №36 жила семья с двумя детьми и, судя по звукам, домашним спортзалом. Андрей знал их расписание лучше, чем собственное: 6:45 — подъём, 7:10 — ссора из-за ванной, 7:30 — «Марина, ты где мой паспорт?!», 8:00 — перфоратор. Перфоратор в восемь утра. Каждый день. Даже по воскресеньям.

Ему было тридцать четыре. Он работал программистом на удалёнке, писал бэкенд для финтех-компании, и тишина была не прихотью, а условием выживания. Во время созвонов клиенты жаловались на «фоновые шумы», а начальник однажды сказал с той особой интонацией, от которой хочется провалиться под землю: «Андрей, у тебя дома что, вокзал?» Андрей тогда промолчал. Но запомнил.

И он решил проблему радикально.

Начал с малого — с беруш. Потом купил шумоподавляющие наушники, дорогие, с активным шумоподавлением, которые стоили как половина зарплаты. Потом на «Озоне» заказал акустические панели — поролоновые пирамидки, клиновидные, как в студии звукозаписи. Через месяц его квартира перестала быть квартирой. Стены обшиты минватой и поролоном, окна — двойными рамами с резиновыми уплотнителями, щели под дверью заклеены самоклеящимся поролоном, на полу — толстый ковёр, шторы — в два слоя, тяжёлые, блэкаут. Вентиляцию он закрыл специальными заглушками и поставил фильтр — воздух приходил тихо, как дыхание спящего. Даже дверной звонок он отключил. Стучали — он не слышал. Или делал вид, что не слышал.

Соседи сначала не поняли. Потом — начали смеяться.

— Слышали? Этот из тридцать четвёртой стены поролоном обклеил! — говорила баба Валя с первого этажа, полная женщина в халате и тапках с помпонами. — Параноик! Я ему говорю: Андрюша, ты чего, как в бункере живёшь? А он молчит. Молчит и в дверь не открывает!

— Он там что, бомбоубежище строит? — ржал Коля из двадцать восьмой, тот самый, с перфоратором. — Может, он ядерной войны боится? Или пришельцев?

— Может, он маньяк? — предположила Лена из тридцать второй, молодая женщина с ребёнком, но её быстро высмеяли: какой маньяк, он же на созвонах сидит и говорит «коллеги, давайте синхронизируемся». Маньяки так не говорят.

Над ним смеялись в чате дома — Андрей читал, но не отвечал. Смеялись в лифте, когда он выходил за продуктами — старался выходить всё реже, раз в неделю, рано утром, когда все спят. Смеялись на лавочке у подъезда, где баба Валя собирала вокруг себя компанию и рассказывала, как «этот из тридцать четвёртой» выносит мусор в наушниках и не здоровается. Андрей слышал это только в те редкие минуты, когда выходил из дома. Ему было плевать. Он сидел в своей тихой квартире, в наушниках, за кодом, и мир за стенами его не касался.

Ровно месяц всё было хорошо.

А потом пришло уведомление.

Телефон завибрировал на столе — Андрей специально поставил беззвучный режим, вибрация была единственным звуком, который он допускал. Он снял наушники. В квартире стояла абсолютная тишина, такая, что слышно было, как кровь шумит в ушах, как тикает собствен-

ное сердце, как где-то далеко, за стенами, живёт мир. На экране — push от МЧС, красный треугольник:

«ВНИМАНИЕ. В ГОРОДЕ ОБНАРУЖЕН НЕИЗВЕСТНЫЙ ОРГАНИЗМ. ОН РЕАГИРУЕТ НА ГРОМКИЕ ЗВУКИ. НЕ ШУМИТЕ. ОСТАВАЙТЕСЬ В ПОМЕЩЕНИЯХ. НЕ ПАНИКУЙТЕ. ПОДРОБНОСТИ ПОЗЖЕ».

Андрей моргнул. Перечитал. Потом ещё раз. Потом открыл новости.

Первый канал: «Срочно. В городе введён режим тишины». РБК: «Неизвестное существо атакует источники громкого звука». Телеграм-каналы, обычно полные мемов и сплетен, теперь пестрели капсом: «ОНО НЕ ВИДИТ, НО СЛЫШИТ. НЕ ШУМИТЕ. ПЕРЕШЛИТЕ РОДНЫМ». Кто-то выкладывал видео — трясущееся, снятое с балкона: серая улица, пустые машины, и что-то большое, бесформенное, медленно движущееся между домами. Звук на видео был выключен. Но комментарии говорили сами за себя: «Оно слышит всё. Даже шёпот. Не шумите».

Андрей подошёл к окну — и только тогда заметил, что на улице непривычно тихо. Ни машин, ни собак, ни музыки из соседнего двора, ни детских криков. Только где-то вдалеке — глухой, тяжёлый топот, будто кто-то очень большой медленно шёл по асфальту. И ещё — крик. Короткий. Оборвавшийся на полуслове. А потом — хруст. Такой, будто сломали ветку. Только ветка была не веткой.

Андрей отшатнулся от окна. Сердце билось где-то в горле. Он посмотрел на свою квартиру — поролон на стенах, ковёр, заглушки в вентиляции, тяжёлые шторы. Всё это, над чем смеялись соседи, вдруг перестало быть паранойей. Всё это вдруг стало единственной причиной, по которой он ещё дышал.

Он сел на пол, спиной к дивану, и прислушался.

Тишина. Абсолютная, идеальная тишина. Такая, о которой он мечтал месяц. Такая, которую он строил, за которую платил, над которой смеялись. И где-то за этой тишиной — шаги. Медленные. Тяжёлые. Всё ближе. Андрей зажал рот рукой, хотя не издавал ни звука. Просто на всякий случай.

Телефон завибрировал снова. Чат дома — двести сообщений. Он открыл последнее:

Коля (кв. 28): «Оно у подъезда. ОНО У ПОДЪЕЗДА. Я НЕ ШУМЛЮ. Я НЕ ШУМЛЮ. Я НЕ ШУ...»

Сообщение оборвалось. Время — 7:14. Андрей смотрел на экран, и палец не двигался, чтобы пролистать выше. Он почему-то знал, что там ничего хорошего. Он почему-то знал, что Коля из двадцать восьмой больше никогда не включит свой перфоратор.

Он медленно выдохнул. Впервые в жизни он был благодарен поролону.

За стеной, в подъезде, что-то тяжёлое прошло мимо его двери. Остановилось. Постояло. И двинулось дальше — туда, где кто-то не удержался и вскрикнул.

Андрей сидел на полу и считал вдохи. Один. Два. Три. На «четыре» сверху, в тридцать шестой, загрохотало — кто-то в панике бежал по квартире, роняя вещи. Андрей зажмурился.

— Не шумите, — прошептал он одними губами. — Пожалуйста. Не шумите.

Сверху загрохотало снова. Потом — тишина. Потом — очень громкий, очень короткий звук, от которого у Андрея похолодело в животе. И снова тишина. Уже навсегда.

Он открыл дневник — обычный блокнот, который вёл с первого дня звукоизоляции, записывал децибелы, время, источники шума. На новой странице, в самом верху, он вывел: «День 1. Тварь слышит всё. Я — нет. Это преимущество».

И ниже, мельче: «Не шуметь. Найти выживших. Не погибнуть».

Он посмотрел на дверь. За ней был подъезд, за подъездом — двор, за двором — город, полный людей, которые смеялись над ним месяц. Теперь они молчали. Те, кто ещё был жив.

Андрей встал. Проверил замки — все три, включая щеколду и цепочку. Проверил заглушки в вентиляции. Поправил поролон на двери. Потом вернулся к окну и очень медленно, миллиметр за миллиметром, отодвинул штору.

На улице, прямо под его окнами, стояла тварь.

Она была серой, бесформенной, как куча мокрого цемента, и у неё не было глаз. Только что-то вроде ушей — огромных, влажных, повёрнутых в разные стороны. Она стояла неподвижно. Ждала. И Андрей вдруг понял: она не уйдёт. Она будет слушать. Всегда.

Он опустил штору. Сел обратно на пол. И улыбнулся — впервые за месяц.

— Ну что, — сказал он тихо, почти беззвучно. — Посмотрим, кто кого.

Глава 2. «Правила тишины»

Первую ночь Андрей не спал.

Он сидел на полу в коридоре, спиной к стене, лицом к двери, и слушал. Не как обычно — в наушниках, отгородившись от мира, — а по-настоящему. Всем телом. Кожа на затылке, казалось, обрела собственный слух: она ловила вибрации, шорохи, едва уловимые колебания воздуха. Поролон на стенах гасил всё, что было снаружи, но Андрей всё равно слышал — или ему казалось, что слышит.

Где-то в час ночи в подъезде хлопнула дверь. Один хлопок — резкий, короткий, как выстрел. Андрей вздрогнул и вжался в стену. Потом — тишина. Долгая, минут на десять. А потом — шаги. Медленные, тяжёлые, будто кто-то волочил мешок с песком. Шаги прошли мимо его двери, остановились. Андрей задержал дыхание. Сердце билось так громко, что, казалось, его слышно на весь дом. Он зажал рот ладонью, хотя не издавал ни звука.

Шаги двинулись дальше. Вверх по лестнице. К тридцать шестой.

Андрей закрыл глаза и стал считать. Один. Два. Три. Четыре. Пять. На «двадцать» сверху что-то упало — глухо, как подушка. Потом — скрип. Потом — очень тихий, очень короткий вскрик. И тишина.

Он просидел так до рассвета.

Утром — если это можно было назвать утром, потому что небо за окном было серым и неподвижным, как бетон, — Андрей поднялся с пола. Колени хрустнули. Он поморщился от звука — собственные суставы теперь казались оглушительными. В квартире стояла та самая тишина, которую он строил месяц: идеальная, стерильная, мёртвая. Раньше она успокаивала. Теперь — давила.

Он подошёл к окну и осторожно, на палец, отодвинул штору.

Тварь всё ещё стояла во дворе. Но теперь она была не одна. Вторая — такая же серая, бесформенная, безглазая — стояла у соседнего подъезда, повернувшись к дому огромным влажным ухом. Третья — дальше, у детской площадки, там, где ещё вчера качались качели. Они не двигались. Ждали.

Андрей опустил штору. В голове было пусто и ясно одновременно. Он достал блокнот и сел за стол.

«Правила тишины», — написал он в самом верху. И начал перечислять.

1. Никаких звуков выше шёпота. Говорить только на выдохе, у самого уха, губами, а не голосом.

2. Обувь — снять. Ходить в носках или босиком. На пол — ковры (уже есть).

3. Двери — не хлопать. Закрывать на замок медленно, придерживая рукой. Петли смазать.

4. Телефон — беззвучно. Вибрация — тоже звук. Убрать вибрацию. Только экран.

5. Вентиляция — закрыта. Воздух — через фильтр. Проверять каждое утро.

6. Никакой воды из крана. Трубы гудят. Воду набирать в бутылки заранее, тонкой струёй по стенке.

7. Не смотреть в окно без нужды. Штора — не двигать резко.

8. Не открывать дверь. Никому. Даже если стучат. Даже если плачут.

9. Не бегать. Бег — это топот. Топот — это смерть.

10. Не паниковать. Паника — это крик. Крик — это смерть.

Он перечитал список. Потом добавил одиннадцатый пункт, который не вписывался в логику, но казался важным:

11. Найти выживших. Я не один.

Андрей отложил блокнот и прислушался. В подъезде было тихо. Слишком тихо. Он вдруг понял, что за всю ночь не слышал ни одного звука из соседних квартир — ни телевизора, ни шагов, ни разговоров. Тридцать шестая молчала. Двадцать восьмая молчала. Тридцать вторая — Лена с ребёнком — тоже молчала. Или там уже некому было шуметь.

Он поёжился. Мысль была холодной и липкой, как рыба. Андрей отогнал её. Сначала — проверить квартиру. Потом — думать о соседях.

Проверка заняла час. Он обошёл каждую комнату, каждую стену, каждую щель. Заглушки в вентиляции — на месте, плотные, резиновые. Окна — закрыты, уплотнители целы. Дверь — три замка, щеколда, цепочка, поролон по периметру. Он даже проверил слив в ванной — заткнул тряпкой на всякий случай. Вода в трубах могла гудеть. Теперь не будет.

К полудню он понял, что голоден. На кухне — половина пачки макарон, банка тушёнки, три картофелины, чай, сахар. И вода — шесть полуторалитровых бутылок. Он посчитал: если растянуть, хватит на неделю. Может, на десять дней. Потом придётся выходить.

Андрей открыл тушёнку ножом — медленно, с усилием, чтобы не щёлкнуло. Крышка поддалась с тихим шипением. Он замер, прислушался. Тихо. Твари во дворе не сдвинулись с места. Он съел половину банки, запил водой из бутылки — тонкой струйкой, чтобы не булькало.

Потом сел на пол и стал думать.

Тварь не видит. Это плюс. Тварь слышит. Это минус. Тварь реагирует на громкие звуки — значит, можно использовать звук как приманку. Значит, можно шуметь — но не рядом с собой. Значит, можно отвлекать. Значит, можно выжить.

Он открыл блокнот и на новой странице написал: «План. 1. Разведка. 2. Вода. 3. Еда. 4. Связь. 5. Выжившие».

На «выживших» рука дрогнула. Он вспомнил сообщение Коли — оборвавшееся на полуслове. Вспомнил вскрик сверху. Вспомнил, как месяц назад они все смеялись над его поролоном. Теперь поролон был единственным, что отделяло его от тишины — той тишины, которая была хуже любого шума.

Андрей отложил ручку и прислушался.

В подъезде — тихо. Во дворе — тихо. В городе — тихо. Но где-то очень далеко, на грани слышимости, за поролоном, за стенами, за окнами, — что-то двигалось. Медленно. Тяжело. Искало.

Он встал, подошёл к двери и приложил ухо к поролону. Тихо. Потом — едва слышно — скрип. Не в подъезде. В квартире напротив. Двадцать восьмая. Коля. Скрип повторился. Потом — тихий, дрожащий голос:

— Марина… Марина, ты тут?

Андрей замер. Коля был жив. Коля из двадцать восьмой, с перфоратором, тот самый, который ржал громче всех. Жив. И говорил — громко, слишком громко, не шёпотом.

Андрей прижался лбом к двери. Он знал, что нельзя. Знал, что любой звук — это смерть. Но он всё равно поднял руку и очень тихо, почти беззвучно, постучал по двери. Условно. Как стучат в стену, когда хотят предупредить.

Три коротких. Три длинных. Три коротких.

SOS.

В двадцать восьмой затихли. Потом — шёпот, быстрый, панический:

— Кто там? Кто там, блин? Марина, это ты?

Андрей зажмурился. Он не мог ответить. Не мог крикнуть. Не мог даже постучать снова — вдруг тварь уже слышит, вдруг она уже идёт. Он просто стоял у двери и слушал, как Коля из двадцать восьмой шумит — громко, глупо, по-человечески. И как в подъезде, где-то на лестнице, начинают звучать шаги. Медленные. Тяжёлые.

Андрей отступил от двери. Сел на пол. Закрыл глаза.

— Не шуми, — прошептал он одними губами. — Пожалуйста. Не шуми.

Шаги приближались. Коля в двадцать восьмой всё ещё говорил — теперь громче, теперь с истерикой: «Марина! Марина, открой! Тут кто-то стучит! Марина!»

Андрей зажал уши руками. Но поролон не спасал от того, что было внутри него. От знания. От понимания. От того, что он снова был прав — и от этого ему хотелось выть.

Шаги остановились у двадцать восьмой. Затихли. Потом — удар. Один. Тяжёлый, как обвал. Потом — крик. Потом — хруст.

И тишина.

Андрей сидел на полу, обхватив колени, и смотрел в стену. В блокноте, на странице с правилами, пункт восемь гласил: «Не открывать дверь. Никому». Он перечитал его. Потом взял ручку и добавил внизу, мелко, дрожащей рукой:

«Я не открыл. Я жив. Но я слышал. И я запомню».

За окном, во дворе, твари повернули головы — все сразу, синхронно, как по команде — в сторону дома. Потом снова замерли.

Андрей закрыл блокнот. Положил его на стол. И стал ждать следующего звука.

Глава 3. «Соседка»

К вечеру второго дня Андрей понял, что сходит с ума.

Не в том смысле, о котором кричат в фильмах — с галлюцинациями и голосами. Нет. Он сходил с ума от тишины. От абсолютной, стерильной, идеальной тишины, которую сам же и построил. Раньше она была убежищем. Теперь — камерой. Он ловил себя на том, что разговаривает сам с собой одними губами, что прислушивается к собственному дыханию, что начинает слышать вещи, которых нет: шорох в углу, скрип за спиной, шаги на лестнице. Он проверял каждую комнату по три раза. Потом — по четыре.

И ещё он думал о двадцать восьмой. О Коле. О том, что тот был жив, а теперь — нет. О том, что он, Андрей, постучал. Три коротких. Три длинных. Три коротких. SOS. И Коля закричал. Не от стука — от страха. От того, что кто-то ответил. И этот кто-то — Андрей — не открыл дверь. Не спас. Просто сидел и слушал.

Он записал в блокнот: «Вина — роскошь. Отложить». И перевернул страницу.

На третью ночь в дверь постучали.

Андрей вздрогнул так, что выронил ручку. Стук был тихий — не тот, что ломится в дверь, а тот, что просит. Три коротких удара. Пауза. Ещё три. Пауза. Он поднялся с пола, подошёл к двери и приложил ладонь к поролону. За дверью — дыхание. Быстрое, сбитое, со всхлипами.

— Андрей… — шёпот, едва слышный, женский. — Андрей, это Лена. Из тридцать второй. Открой. Пожалуйста.

Лена. Та самая, с ребёнком. Которая месяц назад предлагала, что он маньяк. Андрей замер. В голове пронеслось всё сразу: правила, пункт восемь, «не открывать никому, даже если плачут». Но Лена плакала. И не просто плакала — она пыталась плакать беззвучно, и от этого всхлипы становились только громче.

— Андрей… — снова шёпот. — У меня Дима. Ему четыре. Он не понимает. Он плачет. Я не могу… я не знаю, куда идти…

Андрей закрыл глаза. Пункт восемь. Пункт десять. Пункт одиннадцатый — «Найти выживших». Он думал секунду. Может, две. Потом отодвинул щеколду — медленно, придерживая рукой, чтобы не щёлкнула. Открыл замок. Потянул дверь на себя.

В подъезде было темно. Лена стояла на площадке — растрёпанная, в домашнем халате, в тапках на босу ногу, с ребёнком на руках. Мальчик — маленький, в пижаме с динозаврами — спал или делал вид, что спит, уткнувшись ей в плечо. За спиной Лены, на лестнице, было пусто. Пока.

— Быстро, — одними губами сказал Андрей и посторонился.

Лена шагнула через порог — тихо, на цыпочках, хотя тапки шаркали. Андрей поморщился, но ничего не сказал. Закрыл дверь. Придержал. Замок — медленно. Щеколда — медленно. Цепочка — вообще беззвучно. Потом повернулся.

Лена стояла в коридоре и оглядывалась. Поролон на стенах. Ковёр на полу. Заглушки в вентиляции. Тяжёлые шторы. Она смотрела на всё это круглыми глазами — и вдруг всхлипнула.

— Я смеялась над тобой, — прошептала она. — Все смеялись. А ты… ты единственный, кто выжил.

— Не единственный, — так же тихо ответил Андрей. — Ты тоже. И он. — Он кивнул на мальчика. — Как вы?

— В тридцать второй стены тонкие, — Лена говорила шёпотом, но её трясло, и слова выходили рваными. — Когда началось… я услышала крик. Сначала у Коли. Потом сверху. Потом везде. Я схватила Диму и залезла в шкаф. Мы сидели там двое суток. Двое суток, Андрей. Без воды. Без… — она замолчала, прижала ладонь ко рту. — Дима плакал. Я закрывала ему рот рукой. Я чуть не задушила его, чтобы он не шумел. Понимаешь? Я чуть не задушила собственного сына.

Андрей молчал. Он не знал, что сказать. Он подошёл к кухонному шкафу, достал бутылку воды и протянул ей. Лена взяла — и выпила половину, жадно, тонкой струйкой, как учил он сам себя. Потом посмотрела на него с благодарностью, от которой Андрею стало не по себе.

— Сколько их? — спросила она. — Тварей?

— Во дворе — три, — ответил Андрей. — Может, больше. Я не выхожу.

— А они… они уйдут?

Андрей посмотрел на неё. На её лицо — бледное, осунувшееся, с красными глазами. На мальчика, который всё ещё делал вид, что спит. На свои стены в поролоне. На блокнот с правилами.

— Не знаю, — сказал он честно. — Но мы будем жить. Пока тихо.

Он провёл их в комнату — ту, что дальше от двери, с ковром и тяжёлыми шторами. Постелил на полу одеяло, подушки. Лена уложила Диму, села рядом, не отпуская его руки. Мальчик открыл глаза — большие, тёмные, испуганные — и посмотрел на Андрея.

— Дядя, — прошептал он. — А монстр придёт?

Андрей присел на корточки рядом.

— Не придёт, — сказал он тихо. — Мы будем играть в тишину. Знаешь такую игру?

Дима покачал головой.

— Правила простые, — Андрей говорил медленно, почти беззвучно, чтобы мальчик читал по губам. — Кто громче всех молчит — тот победил. Понял?

Дима кивнул. Потом улыбнулся — впервые за двое суток, судя по лицу Лены. Она посмотрела на Андрея с такой благодарностью, что он поспешно отвёл взгляд.

— Я буду на кухне, — сказал он. — Не шумите. Вообще. Даже шёпотом — только если очень надо. Я приду утром.

Он вышел и прикрыл дверь — медленно, придерживая. Потом вернулся в коридор, сел на пол спиной к стене и прислушался.

В подъезде было тихо. Во дворе — тихо. В городе — тихо. Но где-то на лестнице, ниже этажом, что-то шаркнуло. Один раз. И замерло.

Андрей посмотрел на дверь. Потом на блокнот. Потом снова на дверь.

Он достал ручку и на странице с правилами, под пунктом восемь, дописал:

«Исключение: Лена и Дима. Они свои. Но тишина — для всех».

Потом закрыл блокнот. И стал ждать утра — потому что утро теперь было не временем суток, а временем, когда можно было выдохнуть. Если, конечно, доживёшь.

Глава 4. «Дом, который молчит»

Утром Андрей собрался в подъезд.

Он готовился к этому два часа. Сначала — инструктаж для Лены: сиди в комнате, дверь не открывай, Диму держи при себе, если что — стучи в стену три раза. Потом — экипировка. Носки в два слоя. Свитер, чтобы локти не стучали о стены. Блокнот за пазуху. Ручка в кармане. Телефон — беззвучно, вибрация выключена, экран на минимальную яркость. Вода — глоток. И главное — самодельный «шумомер»: приложение-децибелометр, которое он скачал ещё месяц назад, когда настраивал звукоизоляцию. Теперь оно показывало 28 децибел — тише, чем дыхание.

Лена стояла в коридоре, прижимая к себе Диму, и смотрела на него, как смотрят на человека, который уходит на войну.

— Может, не надо? — прошептала она.

— Надо, — так же тихо ответил Андрей. — Воды осталось три бутылки. Еды — на два дня. И я не знаю, что там. Может, мы не одни.

Он приоткрыл дверь на палец. В подъезде — темнота и тишина. Пахло сыростью и чем-то ещё — сладковатым, тяжёлым, от чего желудок сжался в комок. Андрей не стал думать, что это. Он вышел на площадку и медленно, придерживаясь за стену, двинулся вниз.

Лестница была его врагом. Каждая ступенька — потенциальный скрип. Он наступал на носок, ближе к стене, где доски прибиты плотнее. Дышал через тряпку — чтобы не слышно было свиста. Считал шаги: площадка, девять ступеней, поворот, ещё девять. Тридцать вторая — мимо. Тридцатая — мимо. Двадцать восьмая — задержался. Дверь была приоткрыта. Внутри — темнота и тот самый сладковатый запах. Андрей не стал заглядывать. Прошёл мимо.

На двадцать шестой услышал голос.

— Кто там? — шёпот, старушечий, дребезжащий. — Кто ходит?

Андрей замер. Голос шёл из-за двери двадцать шестой — квартиры бабы Вали. Той самой, что громче всех смеялась над его поролоном. Он подошёл ближе, приложил ладонь к двери.

— Баба Валя, — прошептал он. — Это Андрей. Из тридцать четвёртой.

Пауза. Потом — звук отодвигаемой щеколды, медленный, осторожный. Дверь приоткрылась на ширину цепочки. В щели — лицо. Баба Валя, в халате, с растрёпанным пучком на голове, с глазами, красными от слёз. Она смотрела на него, и в её взгляде было столько всего сразу — страх, недоверие, надежда, — что Андрей не выдержал и отвёл глаза.

— Ты… — прошептала она. — Ты живой?

— Живой, — кивнул он. — Вы как?

— Я глухая, — сказала баба Валя так просто, что Андрей моргнул. — На левое ухо совсем не слышу, на правое — плохо. Я поэтому и не поняла сначала, чего все шумят. А потом… — она замолчала, сглотнула. — Потом Коля сверху закричал. А я не слышала. Только видела, как стены трясутся. Я дверь закрыла, цепочку накинула и сижу. Два дня сижу. Не ем. Не пью. Думала, все умерли.

Андрей смотрел на неё и вдруг понял, что она не смеётся. Не издевается. Не называет его параноиком. Она смотрит на него как на спасение.

— У меня вода есть, — сказал он. — И еда. Немного. Пойдёмте.

Баба Валя заколебалась. Потом покачала головой.

— Я старая, — сказала она. — Куда мне идти? Я тут помру, в своей квартире. Хоть не на улице.

— Не помрёте, — Андрей говорил тихо, но твёрдо. — У меня стены в поролоне. У вас — обычные. Если тварь услышит — она придёт. А я знаю правила. Пойдёмте.

Она смотрела на него долго. Потом вздохнула, сняла цепочку и вышла на площадку — в тапках, в халате, с каким-то узелком в руках. Андрей придержал дверь, чтобы не хлопнула. И тут услышал — снизу. Шорох. Быстрый, лёгкий, как будто кто-то крался по лестнице.

Он замер. Приложил палец к губам. Баба Валя замерла тоже — видимо, поняла по лицу.

Шорох повторился. Ближе. Андрей посмотрел вниз, через перила. На площадке между двадцатым и двадцать вторым этажом — тень. Маленькая, худая, с рюкзаком. Мальчишка. Лет четырнадцать, не больше. Он крался вдоль стены, прижимаясь к ней, как учил… как учил никто его не учил. Просто инстинкт.

— Эй, — прошептал Андрей. — Эй, пацан.

Мальчишка замер. Поднял голову. У него было бледное лицо, острые скулы и глаза — огромные, как у совёнка. Он смотрел на Андрея, и в его взгляде не было страха. Только оценка. Как будто он решал: свой или чужой.

— Ты кто? — прошептал он.

— Андрей. Тридцать четвёртая. А ты?

— Дима. Сороковая. — Мальчишка поднялся на его площадку — тихо, почти беззвучно, и Андрей отметил: молодец. Умеет. — Я тебя знаю. Ты тот, который стены поролоном обклеил. Над тобой все ржали.

— Уже не ржут, — сказал Андрей.

— Ага. — Дима усмехнулся, но глаза остались серьёзными. — Я в электрощитовой прятался. Там стены бетонные, не слышно ничего. Два дня сидел. Свет отключил, чтобы не гудело. А потом вода кончилась. Думал, к себе пробраться, у меня запасы. Но там… — он махнул рукой в сторону лестницы. — Там одна ходит. Я слышал.

Андрей кивнул. Он уже понял: в подъезде — тварь. Одна. Может, та самая, что пришла на крик Коли. Она не ушла. Она ждёт.

— У меня квартира тихая, — сказал он. — Поролон, ковры, всё закрыто. Пойдём. Втроём — не втроём, вчетвером — уже легче.

Дима посмотрел на него с сомнением. Потом на бабу Валю — та стояла, прижав к груди узелок, и смотрела на мальчишку с материнской тревогой, хотя видела его впервые. Потом снова на Андрея.

— А правила есть? — спросил он.

— Есть, — Андрей достал блокнот, открыл на странице с правилами. — Одиннадцать штук. Будешь соблюдать — выживешь.

Дима пробежал глазами список. Потом кивнул.

— Нормально, — сказал он. — Я и сам до такого дошёл. Только одного не хватает.

— Чего?

— Никогда не возвращаться за тем, что оставил. — Дима сказал это тихо, но твёрдо. — Я рюкзак в электрощитовой оставил. С едой. Думал, вернусь. А там уже тварь. Если бы вернулся — всё.

Андрей посмотрел на него. На этого пацана с совиными глазами, который за два дня понял то, до чего он, взрослый мужик, дошёл только через страх и блокнот. Потом кивнул.

— Принято. Двенадцатое правило. — Он достал ручку и дописал. — Пошли.

Они поднялись на тридцать четвёртый — гуськом, вдоль стены, в носках. Андрей открыл дверь, впустил бабу Валю, потом Диму. Закрыл. Придержал. Замок. Щеколда. Цепочка.

В коридоре стояла Лена с Димой-младшим на руках. Она смотрела на новых людей, и в её глазах было что-то среднее между облегчением и паникой.

— Это баба Валя, — сказал Андрей. — И Дима. Из сороковой. Теперь мы впятером.

Баба Валя посмотрела на Лену. Потом на мальчика. Потом на Андрея. И вдруг заплакала — беззвучно, только плечи тряслись.

— Господи, — прошептала она. — Живые. Все живые.

Андрей закрыл глаза. На секунду ему показалось, что всё будет хорошо. Что можно выжить. Что тишина — это не приговор, а просто условие. Как погода. Как зима.

Потом за окном, во дворе, тварь издала звук. Первый за всё время. Низкий, вибрирующий, как будто где-то очень глубоко под землёй включился огромный мотор. Все замерли. Дима-младший вжался в мать. Баба Валя схватилась за стену — глухая, она почувствовала вибрацию через ладонь.

Андрей подошёл к окну и очень медленно, на миллиметр, отодвинул штору.

Твари во дворе стояли, повернув головы к дому. Все. И их было уже не три. Пять. Шесть. Семь. Они приходили — откуда-то из глубины города, на звук, которого никто не издавал. Или на что-то другое. На что-то, что Андрей пока не понимал.

Он опустил штору. Повернулся к своим — пятерым, живым, испуганным, которые смотрели на него, как на командира.

— Так, — сказал он тихо. — У нас новые правила. Первое: не подходить к окнам. Второе: не смотреть на них. Третье: готовиться к тому, что их будет больше.

— А четвёртое? — спросил Дима из сороковой.

Андрей посмотрел на блокнот. Потом на дверь. Потом на людей, которые доверились ему, потому что он единственный оказался прав.

— Четвёртое, — сказал он. — Мы уходим. Отсюда. В школу. Там подвал, толстые стены, запасы. Но сначала — разведка.

Он открыл блокнот и на новой странице написал: «Операция „Тихий переход“. Начать завтра. Не шуметь. Не бежать. Не умирать».

Глава 5. «Не шуметь»

Вылазка началась в четыре утра.

Андрей выбрал это время не случайно: твари, насколько он успел заметить, были активнее ночью и ближе к вечеру. К рассвету они словно замедлялись, становились вялыми, как мухи в холод. Может, это было связано с температурой. Может, со светом. А может, ему просто хотелось верить, что у него есть хоть какое-то преимущество.

Он собрал всех в комнате — пятерых, считая Диму-младшего, который сидел на коленях у Лены и сосал палец. Баба Валя устроилась в кресле, Дима из сороковой — на полу, скрестив ноги. Андрей говорил одними губами, показывая на блокноте схемы.

— Мы идём в подвал, — шептал он. — Внизу — старые кладовки, там раньше хранили картошку. Я знаю, что там есть вода — в дальнем углу стоят бутыли, я видел, как туда носили. И, может быть, консервы. Задача: спуститься, набрать воды, вернуться. Всё. Никакой героики.

— А если тварь? — спросила Лена.

— В подвале её быть не должно. Там сыро, гулко — любой звук отражается. Но это и наш враг тоже: если что-то уроним — услышит весь дом. Поэтому идём медленно. Без резких движений. Дышим через тряпку.

— А я? — спросил Дима из сороковой.

— Ты идёшь со мной, — сказал Андрей. — Ты мелкий, тихий, у тебя реакция лучше, чем у меня. Будешь слушать. Если что — сигнал.

Он показал жест: два поднятых пальца — «стоп», ладонь к полу — «замри». Дима кивнул. Он вообще оказался понятливым — за два дня в квартире Андрея он выучил все правила,

вымыл руки, помог Лене с ребёнком и ни разу не повысил голос. Андрей смотрел на него и думал: вот кто выживет. Вот кто действительно умеет.

Они вышли в четыре двенадцать.

Лестница вниз — до первого этажа, потом поворот к подвалу. Андрей шёл первым, Дима — за ним, в двух шагах. Оба в носках, оба вдоль стены. Тридцать вторая — мимо. Тридцатая — мимо. Двадцать восьмая — Андрей даже не повернул головы. Дверь была закрыта, и из-под неё не пахло ничем. Это было хуже всего.

На двадцать шестой баба Валя оставила свою дверь приоткрытой — они решили не закрывать, чтобы не щёлкать замком. Андрей толкнул её, вошёл. Квартира пахла старой мебелью и валерьянкой. В коридоре — тёмные пятна на линолеуме. Он не стал смотреть. Прошёл мимо.

Подвал был ниже, за железной дверью, которую кто-то оставил приоткрытой. Андрей потянул её на себя — медленно, придерживая, чтобы петли не скрипнули. Внутри — темнота и холод. Пахло сыростью, плесенью и чем-то ещё — кислым, как прокисшее молоко.

Он включил фонарик на телефоне, закрыв его ладонью, чтобы свет был тусклым. Луч выхватил из темноты трубы, ящики, старый велосипед без колёс. И — штабель бутылей с водой у дальней стены. Пять полуторалитровых, ещё в плёнке. Андрей почувствовал, как внутри что-то отпустило.

— Видишь? — одними губами сказал он Диме. — Вода. Пошли.

Они двинулись вдоль стены — медленно, по одному шагу, проверяя пол носком. Андрей снял с плеча сумку, начал складывать бутыли. Дима стоял рядом, держал фонарик и слушал — так напряжённо, что у него, казалось, вибрировали уши.

Всё шло хорошо. Слишком хорошо.

Потом Дима поднял два пальца.

Андрей замер. Прислушался. Сначала — ничего. Потом — шорох. Лёгкий, как будто кто-то провёл ладонью по стене. Потом — ещё раз. Ближе. Со стороны лестницы, ведущей во двор.

Андрей поставил бутылку на пол — медленно, беззвучно. Показал Диме: за ящики. Мальчишка скользнул за штабель, растворился в темноте. Андрей присел за трубу, прижался спиной к бетону.

В подвал вошёл человек.

Мужчина. Лет сорока, в куртке, в ботинках — громких, с твёрдой подошвой, которые стучали по полу так, что Андрей слышал каждый шаг. Он шёл и говорил — не шёпотом, а вполголоса, но в тишине подвала это было как крик:

— Тут есть кто? Эй! Я воду ищу! У меня ребёнок наверху, ему пить надо!

Андрей закрыл глаза. Идиот. Он смотрел на этого мужика и видел Колю из двадцать восьмой — того самого, который ржал над поролоном и умер, потому что не мог молчать. Он хотел выйти. Хотел схватить его за рукав, зажать рот, утащить за ящики. Но не мог — любое движение было шумом.

Мужчина дошёл до середины подвала. Остановился. Посмотрел на бутыли — и обрадовался так, что не сдержался:

— О! Вода! — сказал он громко, почти крикнул. — Слышь, пацан! Я воду нашёл!

Андрей не понял, кому он кричит. Может, ребёнку. Может, кому-то ещё. Это было уже неважно.

Сверху, с лестницы, донёсся звук. Тяжёлый. Медленный. Шаги. Тварь шла вниз.

Мужчина замер. Он услышал. Наконец-то услышал. Но было поздно. Он попятился, задел ногой ведро — оно звякнуло, покатилось по полу, загремело. В темноте это было как взрыв.

— Господи, — прошептал мужчина. — Господи, Господи, Господи…

Тварь вошла в подвал.

Андрей видел её только силуэтом — огромным, бесформенным, с двумя влажными ушами, которые поворачивались в разные стороны, как локаторы. Она не видела мужчину. Она его слышала. И она шла прямо на звук.

Мужчина побежал.

Это было последней ошибкой. Он бросился к лестнице, но споткнулся о велосипед, упал, закричал — громко, отчаянно, по-человечески. Тварь рванулась к нему.

Андрей не видел, что произошло дальше. Он отвернулся, зажал уши руками и считал. Один. Два. Три. На «четыре» раздался хруст. На «пять» — тишина.

Он сидел за трубой и ждал. Минуту. Две. Пять. Тварь не уходила. Она стояла там, где упал мужчина, и, судя по звукам, что-то делала. Андрей не хотел знать что.

Дима за ящиками не двигался. Мальчишка был бледен, как бумага, но не издавал ни звука. Андрей посмотрел на него и показал: ждём. Тот кивнул.

Прошло ещё десять минут. Тварь наконец двинулась — медленно, тяжело, к выходу. Шаги стихли на лестнице. Потом — на улице. Потом — вообще.

Андрей подождал ещё пять минут. Потом выбрался из-за трубы. Подошёл к ящикам, тронул Диму за плечо — тот вздрогнул, но не вскрикнул. Молодец.

— Уходим, — одними губами сказал Андрей. — Быстро. Но тихо.

Они взяли только две бутылки. Остальные оставили — не хватало рук, не хватало времени. По лестнице поднимались молча, вдоль стены, в носках. В коридоре двадцать шестой Андрей остановился. Прислушался. Тихо. Пошли дальше.

В тридцать четвёртой их встретила Лена — бледная, с ребёнком на руках. Она смотрела на них, и в её глазах был вопрос, который она не решалась задать.

— Вода, — сказал Андрей, ставя бутылки на пол. — Две. Больше не смогли.

— А там… — Лена замолчала.

— Там был человек, — сказал Дима из сороковой. Голос у него дрожал, но он держался. — Он шумел. Мы не могли…

Он не договорил. Лена закрыла глаза. Баба Валя, которая ничего не слышала, но всё поняла по лицам, перекрестилась.

Андрей сел на пол. Открыл блокнот. На странице «Операция „Тихий переход“» он дописал:

«Урок: люди шумят, потому что не верят. Пока не увидят — не поверят. Но тех, кто увидел, уже нельзя спасти. Вывод: спасать только тех, кто уже понял. Остальных — не жалеть. Иначе погибнем все».

Он перечитал написанное. Потом взял ручку и зачеркнул последние три слова. Написал заново:

«Остальных — учить. Если успеем».

Глава 6. «Глухой разведчик»

Идея пришла Андрею на третий день после вылазки в подвал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.